

№38

31 января 2016 года

ЖОНАСТЫРСКОЕ ПОДВОРЬЕ

Русская Православная Церковь, Московский Патриархат, Благовещенская Епархия, г. Белогорск,
Подворье Свято-Троицкого мужского епархиального монастыря, храм иконы Пресвятой Богородицы «Скоропослушница».
Издается по благословению Преосвященнейшего Лукиана, епископа Благовещенского и Тындинского.

Белогорцы! Ваш храм срочно нуждается в помощи!

Храму после ремонта требуется иконостас. Мы просим откликнуться всех жителей нашего города для сбора необходимой суммы.

Реквизиты для пожертвований:

Получатель: Подворье иконы Божией Матери «Скоропослушница» г. Белогорск

ИНН/КПП: 2804003982/280401001, Расчетный счет №: 40703810300030000010, Банк: «Азиатско-Тихоокеанский Банк» (ОАО), г. Белогорск, БИК банка: 041012765; Корреспондентский счет банка: 30101810300000000765, Назначение платежа: Пожертвование на уставные цели. Без налога (НДС)

Адрес храма: 676850, Амурская обл., г. Белогорск, ул. Политехническая 15, Тел.: 8-914-610-08-91

7 февраля собор новомучеников и исповедников Церкви Русской.

Говорят, блаженная Ксения, проведшая многие дни своей жизни на Смоленском кладбище, часто ходила среди могил, повторяя странную фразу: «Кровь! Сколько крови!» Теперь нам понятен смысл этих слов. России предстояло умыться кровью, напиться крови, захлебнуться кровью в ходе революционного эксперимента, проведенного с планетарным размахом. Обычно о чем-то страшном, что пришлось пережить, люди говорят: «Это не должно повториться». Всмотриваться в трагедии тяжело, разбираться в причинах и следствиях страшно. Лучше вот так, в порыве секундного ужаса, отвернуться от темы, трянуть головой, словно отгоняя страшное сновидение, и сказать: «Это не должно повториться».

Должно или не должно, это не нам решать. Если у исторического явления есть глубокие причины и если причины эти не то что не устранены, но даже не осознаны, то явление просто обречено на повторение. Вернее,

люди обречены на повторное переживание однажды разразившейся беды. Вывод простой: хочется или не хочется, нравится или не нравится, но всматриваться в собственные трагедии и анализировать их придется.

Если в XVIII столетии святой человек предвидел потоки крови, имевшие пролиться в столетии ХХ-м, то дело ведь не только в прозорливости святого человека. Дело также и в тех исторических ошибках, которые, наслаиваясь и накапливаясь, готовы со временем слепиться в ком и, сорвавшись с горы, расплющить все, что на пути попадет. Мы не видим цельной картины мира. Наш взгляд выхватывает дробные его части, и сердце питается не ощущением целого, а осколками бытия. Поэтому в повседневности мы не способны ни на прозорливость, ни на глубокое предчувствие. Те же люди, которые вникали в глубинную суть процессов, почти в один голос предупреждали о грозных тучах, собирающихся над Отечеством. Итак, урок номер один. История – не фатальный, заранее предсказанный процесс. Это живая ткань, образованная сцеплением свободно действующих волей. На историю можно и нужно влиять. А там, где она «вдруг» являет свой звериный облик и начинает пожирать ничего плохого не ждавших обывателей, – там обыватели виновны. Не потрудились, значит, распознать признаки времени, не потрудились и усилия приложить в нужном направлении.

Из всех виновных в революции, а как следствие – братоубийственной войне, репрессиях, гонении на Церковь, пока что названо только одно действующее лицо – интеллигенция. Она сама облегчила поиск виновных, поскольку слова осуждения прозвучали именно из уст ее лучших, прозревших посреди несчастий представителей. Интеллигенции ставится в вину ее безытность, оторванность от народной жизни, филантропическая мечтательность. «Русскими быть перестали, западными людьми так и не сделались. Жар сердца истратили на влюбленность в чужую социальную мечту». Подобные «филиппики» в адрес профессуры, писателей и ученых можно продолжать и продолжать. Слова эти справедливы.

Революция стала плодом мысленного заблуждения, плодом уверования в ложь. А в любом народе функция переработки идей, различения добра и зла в области ума принадлежит не всем вообще, но представителям интеллигенции в первую очередь. Но справедливым будет заметить, что не на одной интеллигенции лежит тяжесть исторической ответственности.

Церковь Русская, то есть люди, ее составлявшие и наполнявшие, так ли уж свободны от ответственности? Неужели мы вправду думаем, что дело все в масонском заговоре, кознях германской контрразведки,пломбированном вагоне и прочем? Я лично так не думаю. Сама церковная жизнь наша в общих чертах несколько долгих столетий повторяла ошибки, свойственные интеллигенции. Вот слова человека, которого нельзя обвинить в нелюбви к Родине и в незнании ее истории: «Богословская наука была принесена в Россию с Запада. Слишком долго она оставалась в России чужестранкой. Она оставалась каким-то инославным включением в церковно-органическую ткань. Превращалась в предмет преподавания, переставала быть разысканием истины или исповеданием

веры. Богословская мысль отвыкла прислушиваться к биению церковного сердца. И у многих верующих создавалась опасная привычка обходиться без всякого богословия вообще, заменяя его кто чем: Книгою правил, или Типиконом, или преданием старины, бытовым обрядом или лирикой души. Душа вовлекается в игру мнимостей и настроений» (Флоровский Г. Пути русского богословия). Если уж церковное сознание отвлечено от трезвого пути отцов в сторону «мнимостей и игры настроений», то кто способен будет противостоять мысленным соблазнам и разукрашенной лжи?!

Церковь боролась за истину и противостояла лжи, видела надвигающуюся беду и предупреждала верных чад. Но делалось это не в стройном порядке и не единым фронтом. Борцы были похожи, скорее, на одиноких защитников Брестской крепости, воевавших до конца, и умирали за истину. Иногда их встревоженный голос и их подчеркнутое одиночество были до неразличимости подобны близкому к отчаянию одиночеству ветхозаветных пророков. Те кричали во весь голос и приходили в ужас от того, что их не понимали. Было подобное и в нашей истории.

Ну, а потом пришла беда. Пришла вначале так, что всем казалось: стоит завтра проснуться, и все будет по-старому. Но просыпались – а лучше не становилось. Становилось хуже, и уже боялись ложиться спать, а, уснувши, не хотели просыпаться.

Смерть стала привычной, голод стал обыденным, в человеке уже трудно было признать существо, сотворенное «по образу и подобию Бога». И полилась кровь. Мы далеки от мысли, что все убиенные и замученные святые. Голгофа убеждает нас в этом. Два злодея, одинаково наказанных за одинаковые злодеяния, висят по обеим сторонам от Безгрешного Иисуса. Оба рядом с Мессией, оба в муках заканчивают жизнь. Казалось бы, их загробная участь должна быть одинакова. Но вместо этого одному обещано в сей же день быть со Христом в раю, а другой вынужден разрешиться от тела и продолжить муку, теперь уже только душевную.

Само по себе страдание не спасает. И «если кто подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться» (2 Тим. 2: 5). За Христа страдали не все. Кто-то страдал за свои грехи, кто-то платил за свои ошибки, многим пришлось платить за чужие ошибки и за чужие, столетиями накопившиеся грехи. Разобраться в этом хитросплетении судеб нам не дано – не под силу. Бог один знает все. Мы же, не зная все о всех, знаем многие имена людей, действительно умерших за Господа: тех, кто перед расстрелом молился; кто терпеливо переносил ссылки и тюрьмы; кто не озлобился; кто и по смерти жив и совершает чудеса. Это великая княгиня Елисавета, до последнего вздоха перевязывавшая раны тем, кто вместе с ней был сброшен в шахту под Алапаевском. Это Киевский митрополит Владимир, благословивший убийцу пред своим расстрелом. Это архиепископ Фаддей, утопленный палачами (!) в выгребной яме. Это еще многие сотни и тысячи священников, монашествующих и мирян, с чьими жизнеописаниями стоит знакомиться, ибо они – мученики Господни, и знакомиться долгие годы, ибо много их.

Им во многом было тяжелее, чем мученикам древности. Те часто жили в ожидании гонений, вну-

тренне готовились к ним, как к вполне реальному, а то и неизбежному исходу земной жизни. Наши же страдальцы в большинстве случаев и представить не могли, что их православное Отечество станет одним большим концлагерем, а некоторые еще вчера верующие соседи – палачами и предателями.

В войне немалую роль играет фактор внезапности. Обескуражить противника, напасть неожиданно почти всегда означает смять его ряды, обратить его в бегство. В духовной войне законы те же. Лукавый долго готовился и внезапно напал. Но смял и обратил в бегство далеко не всех. Даже те, кто не верил в катастрофу, не был к ней приготовлен, быстро избавились от иллюзий, поправили фитили в светильниках и приготовились к смерти.

«Вот ты попал в руки врага, – писал Сенека Луцилию, – и он приказал вести тебя на смерть. Но ведь и так идешь ты к этой цели!»

Красивая мысль, с которой трудно спорить. К смерти нужно готовиться всю жизнь. Только вот есть у красивых мыслей свойство улечиваться при приближении настоящей боли, реальной угрозы, подлинного страдания. Да и народ наш, прошедший через огненное испытание, вовсе не принадлежал к школе стойков, равно как и к любой другой философской школе. У терпения и мужества нашего народа иные корни – евангельские. Отсюда же та неистребимость народной жизни, которая неизменно возрождалась после жестоких испытаний до сих пор и обещает надежду на полнокровное бытие в будущем. Именно память о новомучениках и молитвенное общение с ними способны сообщить Русской Церкви особенную глубину и мудрость, необходимые для творческого решения проблем, стоящих перед лицом современности.

Мы представляем себе их лица на пожелтевших фотографиях, когда читаем в Писании о тех, что «замучены были, не приняв освобождения, дабы получить лучшее воскресение; другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу; были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча» (Евр. 11: 35–37).

В отношении новомучеников можно совершить две страшные ошибки. Первая именуется преступным забвением, при котором никто особо не помнит о трагическом прошлом и живет так, словно ничего не случилось. Вторая ошибка более опасна, поскольку более похожа на истину. Назовем ее так: превозношение чужими заслугами. Это когда мы недрожащим голосом гордо заявляем, что, дескать, велика наша вера и Церковь наша велика (между строк подразумевается, что и сами мы велики), раз такие испытания пережили и перетерпели.

Почитание новомучеников не должно мешать оставаться вопросу: да как же это все могло произойти в православной стране?!

Это почитание должно совершаться с содроганием при мысли о величине страданий и масштабе гонений.

И еще один вопрос должен звучать коли не вслух, так в совести: а мы сегодня все ли правильно делаем? Не ждет ли и нас очередное огненное испытание?

Ошибки наши не придется ли омыwać своей кровью тем, кто придет после нас?

И лишь после того, как вопросы эти прозвучали, мнится мне, можно порадоваться. Ибо мы «приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех – Богу, и к духам праведников, достигших совершенства» (Евр. 12: 22–23).

Протоиерей Андрей Ткачев

«Свидетелям Иеговы поиск истины не нужен» Беседа с Артемом Григоряном, бывшим долгое время «свидетелем».

Священник Георгий Максимов: Здравствуйте. В эфире передача «Мой путь к Богу». Она о тех людях, чей путь в Православную Церковь был непростым и которым для того, чтобы стать православными, пришлось многое в своей жизни поменять, от многого отказаться, многое переосмыслить. О том, что движет такими людьми, что дает им силы, мы беседуем с нашими гостями.

Сегодня в студии сектовед из Санкт-Петербурга Артем Валерьевич Григорян. До своего обращения в Православие он провел много лет в такой организации, которую нередко причисляют к одной из опаснейших современных сект.

Артем Валерьевич, не могли бы вы рассказать, с чего всё началось? Выросли ли вы в верующей семье?

Артем Григорян: Безусловно, поиски некоей высшей истины в моем случае начались довольно рано, и можно сказать, что я рос в семье, которая всегда имела большой интерес к чему-то духовному. Наверняка, все помнят время разрушения Советского Союза, время крушения многих идей, ценностей. И в ту эпоху – начало 1990-х годов – было тотальное увлечение различными духовными практиками, люди пытались найти ответы на глужие вопросы о своей жизни, пытались разобраться. И мои родители также были людьми ищущими, увлекались различными восточными практиками: кришнаизмом, рерихианством, какими-то магическими медитативными практиками – это очень модно тогда было. Но также, несмотря на эти свои увлечения, мои родители, как люди, выросшие в нашей культуре, всё равно считали себя православными христианами, и мы время от времени заходили в храм, молились, ставили свечки. Конечно, о сознательной духовной жизни речи не шло. Но мои детские воспоминания всегда связаны с каким-то внутренним поиском, хотя, наверное, это несколько необычно для детей. Например, я очень хорошо помню, как, когда мне было 6 лет, произошла катастрофа: я попал под «КАМАЗ», чудом остался жив. И эта трагедия в нашей семье очень обострила духовные поиски. Я помню, как, лежа в гипсе, на растяжках, я рассуждал о Боге, о смысле жизни, о причинах страданий, обсуждая это со своими родителями.

Такая атмосфера духовных исканий была у нас

в семье, и родители пытались получить ответы на свои вопросы, но, к сожалению, в начале 1990-х Церковь во многих случаях еще не была способна дать людям то, что они там искали. И всё это привело к тому, что ответы были найдены в совсем другом месте. Это был 1996 год, когда мои родители после неудачной попытки воцерковления, связанной с близким знакомством с одним псевдостарцем, занимавшимся экзорцизмом, попали к свидетелям Иеговы – к улыбающимся людям, которые пришли и сказали, что они готовы уделять свое время, тратить свое внимание для того, чтобы дать ответы на их вопросы. Так, собственно говоря, началось наше близкое знакомство со свидетелями Иеговы, начался этот путь. Мне тогда было 11 лет.

Отец Георгий: Понятно, что привлекло прежде всего, – это то, что иногда называют «бомбардировка любовью»: когда к каждому вошедшему человеку обязательно кто-то подойдет, улыбнется, скажет: «Как я рад, что ты пришел»... А что потом? Что позволило укорениться в этой организации?

А. Григорян: Да, вы совершенно верно заметили. Человек может стать полноценным свидетелем Иеговы, только если он начнет посещать собрания и так называемые конгрессы – это очень большие мероприятия, которые собирают множество общин какого-то района. И свидетели Иеговы сами из своего миссионерского опыта знают, что если человек, с которым они изучают Библию, не придет на собрание, значит, он скорее всего не станет «свидетелем» и на него нет смысла особенно тратить время. Конгрессы производят просто невероятный эффект: человек видит огромный стадион, заполненный десятками тысяч улыбающихся красивых людей, опрятно одетых, абсолютную чистоту, упорядоченность, теплые отношения – поцелуи, любовь – это производит колоссальное впечатление. Я много размышлял над этим, пытаюсь анализировать путь и моей семьи, и многих знакомых людей – как «свидетелей», так и тех, кто вышел. В основном это один и тот же сценарий: люди влюбляются в организацию, влюбляются в людей. И на самом деле вероучительная сторона – вторична. Она очень хорошо ложится на сознание человека, уже влюбленного в организацию. И когда человек влюбляется, его окружают действительно невероятным вниманием, невероятной заботой. Иногда могут даже помочь финансово, с работой. Человек влюбляется и уже потом полностью готов к восприятию различных идей. И здесь начинается очень тонкий процесс индоктринации – основанный на специальном пособии учебный курс, который представляет собой главное тематическое распределение Библии – естественно, со своей сугубо конфессиональной интерпретацией, местами весьма странной, натянутой, искусственной. Но это всё замечательно ложится, потому что человек уже влюблен.

Отец Георгий: Но такое повышенное внимание не может быть всё время столь же интенсивным, как и в самом начале, когда человек только приходит?

А. Григорян: Конечно. Потом степень градуса этого внимания ослабевает. Когда человек принимает «крещение», становится полноценным членом организации – он уже сам должен проявлять внимание, то есть он уже так научен проявлять эти чувства по отношению к новичкам. Таким образом, он уже становится

частью этого огромного механизма.

Отец Георгий: Сколько времени вы провели у свидетелей Иеговы?

А. Григорян: Порядка 15 лет.

Отец Георгий: Серьезный срок. И эту организацию, ставшую, можно сказать, вашей новой семьей, в которой уже за такое время вы, конечно, обросли многими знакомыми, друзьями, где всё, казалось бы, уже привычно, знакомо, комфортно, вы покинули. Что подтолкнуло вас к тому, чтобы продолжить свой поиск? И не просто продолжить, но и обратить его туда, откуда вы хотя бы формально, но все-таки вышли? Потому что я знаю: у многих людей, которые оказались не только у свидетелей Иеговы, но и у протестантов, есть определенный комплекс. Хотя, как правило, с Православием их связывал лишь факт крещения и они практически ничего не знают о содержании православной веры, они убеждены: мы уже были православными, в храм ходили, куличи святили, поэтому Православие нам не интересно. Что в вашем случае помогло преодолеть это предубеждение?

А. Григорян: Это был очень долгий и болезненный путь. Он занял не один год. И прежде, чем прийти в Церковь, мне нужно было сначала выйти из организации свидетелей Иеговы. Стоит сказать, что в 2005 году я был приглашен в качестве сотрудника в главный управленческий центр свидетелей Иеговы в России – это считается очень привилегированным служением. Собственно говоря, для многих свидетелей Иеговы это просто предел мечтаний – оказаться в главном управленческом центре. Он находится в поселке Солнечное под Санкт-Петербургом. Я прослужил там 4,5 года. И, наверное, если бы я туда не попал, то, может быть, я до сих пор оставался бы свидетелем Иеговы.

Отец Георгий: Почему?

А. Григорян: Потому что пребывание там для меня обнажило многие проблемы, которые существуют в организации. Мне тогда было 20 лет – то есть вполне юношеское состояние, такое романтическое. И я оказался в самом сердце организации, там, где служат все самые авторитетные люди, которые занимаются непосредственным управлением организацией здесь, в России. Это целый городок, в котором живет около 300 человек – элита организации, – и 24 часа в сутки они находятся вместе. И вот пребывание там показало мне другую сторону организации. Я воочию убедился, что, собственно говоря, все те немощи, все те страсти, все болячки духовные и душевные, которые были у людей до вступления в организацию, – они с ними так и остались. То есть для меня стало очевидным, что в реальности какого-то духовного преобразования там не происходит. И я увидел, что, так сказать, ничто человеческое не чуждо даже самой элите. Это и лицемерие, и обман, и гнев, и сплетни, и алкоголизм, и многое другое. Но это просто помогло мне немножко более объективно смотреть на организацию.

Второй момент был связан с тем, что, находясь в управленческом центре, я имел доступ к очень интересной библиотеке, в которой был раздел, посвященный разным религиям. Собственно говоря, никто никогда этим не интересовался, за исключением переводчиков, которые работают с разными материалами,

и им нужно владеть терминологией. В этом разделе было очень много интереснейших книг православных авторов начала XX века. Например, работы Н.Н. Глубоковского, разных профессоров Киевской, Казанской, Московской духовных академий. «Толковая Библия» А.П. Лопухина, трехтомная. Я тогда вообще впервые в жизни увидел православную серьезную литературу. И я был просто поражен, потому что, как вы представляете, все люди, находящиеся в таких псевдохристианских организациях, крайне низкого мнения о православной вере и богословии.

Отец Георгий: Боюсь, как бы они после нашей передачи не почистили библиотеку (смеется).

А. Григорян: Может быть, это уже сделали. И вот, я взял эти книги и стал просто из любопытства читать. И чем больше я читал, тем больше я поражался тому, насколько глубоко, интересно и убедительно звучало то, что там было написано. Там были разные темы. Я всегда очень интересовался библеистикой, и мне этого не хватало в организации свидетелей Иеговы, потому что свидетели Иеговы всех этих вопросов касаются крайне поверхностно. У них максимально примитивистское понимание, поверхностное. А здесь я столкнулся просто с кладезем информации, и меня поражало то, что это конец XIX века. А, собственно говоря, свидетели Иеговы предали забвению всю свою литературу не то что конца XIX века, но даже сорокалетней давности. Они ее не читают. И мне было удивительно: как так может быть – такая старая литература, но она такая интересная! И вот тогда у меня, наверное, был сломлен один из главных стереотипов – о том, что духовная жизнь и вообще подлинное богословие невозможны вне организации свидетелей Иеговы. Потому что свидетели Иеговы приучены думать именно так. И тогда у меня начались поиски. Я позволил себе думать независимо, пытаться находить ответы.

И, конечно, ключевым фактором стало прочтение книги бывшего члена руководящего совета свидетелей Иеговы Реймонда Френца. Это легендарная, удивительная личность – человек, который 60 лет посвятил себя служению организации, из них десять лет был членом руководящего совета – то есть одним из «помазанников», тех самых, которые, собственно говоря, и решают, во что будут верить 7 миллионов свидетелей Иеговы. Реймонд Френц написал книгу под названием «Кризис совести» в 1980 году, потом вторую книгу – «В поисках христианской свободы». И я нарушил, наверное, самый главный запрет любой авторитарной системы – на чтение источников информации от бывших членов организации. Я читал эту книгу в страхе – представляете, находясь в самом сердце организации, я читал книгу, даже название которой запрещено произносить среди свидетелей Иеговы. Я закрывал дверь, опускал шторы и читал. И помню, насколько меня потрясло всё, что я читал, – это даже можно сравнить с некоторым болезненным состоянием. Это состояние дрожи, состояния ощущения того, как поднимается температура, – это было что-то невероятное. И я читал и понимал, что каждая строчка этой книги рушит тот мир, в котором я находился с 11 лет. И мне становилось, с одной стороны, невероятно радостно от того, что я понимаю истину, а с другой стороны, мне становилось страшно от вопроса:

как жить дальше? Эта книга сыграла ключевую роль в моем выходе из организации, который растянулся на несколько лет. Безусловно, выход из организации был очень сложным и для моей жены, которая была в организации с 6 лет.

Отец Георгий: Вы там же и познакомились?

А. Григорян: Да, мы познакомились в организации, поженились и год даже служили вместе с ней в этом управленческом центре. Вся моя семья – родители, братья – являются свидетелями Иеговы. И вся наша жизнь – что моей жены, что моя – была связана со «свидетелями». И я понимал: наш выход приведет к тому, что весь этот мир будет разрушен. Собственно говоря, так и произошло, потому что свидетелям Иеговы запрещено общаться с людьми, которые вышли из организации – которых исключили из-за каких-то грехов и тем более с теми, кто вышел по идейным соображениям. То есть я нахожусь в числе так называемых отступников – со мной нельзя здороваться на улице, общаться.

Отец Георгий: Наверное, был какой-то промежуточный период, когда вас пытались убедить, призвать к тому, чтобы задуматься? И, наверное, довольно большой прессинг пришлось испытать не только вам, но и вашей супруге?

А. Григорян: Конечно. Прежде всего мои родители, очень искренне верующие, прилагали много усилий. Представляете, если с их стороны посмотреть: сын уходит из ковчега спасения? А, как вы знаете, свидетели Иеговы со дня на день ожидают Армагеддон, и понятно, что выход из организации равносильен уничтожению. Тотальному уничтожению, которое грядет при наступлении Армагеддона. И они, конечно, пытались всячески меня образумить. Это было больше эмоционально, чем интеллектуально. И мои друзья и знакомые беседовали. Но, к сожалению, они не слышали меня. В принципе это, наверное, неудивительно. Но прежде чем выйти из организации, я написал несколько писем в Руководящий совет, в Америку. Эти письма не хотели отправлять, когда я находился в управленческом центре, – они касались некоторых вопросов, связанных с переводом «Нового мира» – конфессиональной Библии свидетелей Иеговы.

Отец Георгий: А вы не могли самостоятельно их отправить?

А. Григорян: Будучи вефилцем, я хотел, чтобы это письмо отправили не просто почтой, а по внутренним каналам, – чтобы этому письму уделили максимальное внимание. Второе и третье письмо я послал сам, уже будучи вне управленческого центра.

Отец Георгий: Что было в этих письмах?

А. Григорян: Разбор тех противоречий и ошибок, которые имеются в организации свидетелей Иеговы. В частности, они были связаны с явными расхождениями с греческим подлинником Нового Завета. Я прорабатывал некоторые вопросы, связанные с конкретными переводческими решениями, потому что они явно расходились с греческим текстом. Я писал об этом. Это письмо было на английском языке, на шесть страниц. Его не хотели отправлять. Мне даже сразу сказали, что это письмо сквозит недоверием к «верному рабу». Как ты можешь так не доверять? Но я искренне хотел разобраться, потому что ответов не было

на эти вопросы. В результате мне ответили. Ответы пришли, и эти ответы меня окончательно убедили в том, что в этой организации поиск истины никому не нужен. То есть закостенелая догма, какой бы она ни была абсурдной, важнее, чем поиск истины.

Отец Георгий: А что они ответили, если вкратце?

А. Григорян: Это была отписка. Они мне написали: «Брат Григорян, мы хотим тебя, конечно, похвалить за то, что у тебя такой настрой в плане постижения Божиего слова, но, знаешь, ты должен ждать, ты не должен бежать впереди организации. Когда Иегова посчитает нужным – он прольет больше света. Верный благоразумный раб в Бруклине даст прояснения. А если он не даст прояснений – продолжай дальше служить и держись крепче организации». Ответов никаких не было. У меня были очень конкретные вопросы, список. Но ни на один из этих вопросов ответов я не получил. И в результате через какое-то время мы с женой написали письмо о выходе из организации. Разослали его всем друзьям, знакомым – у меня было очень много связей со свидетелями Иеговы в разных странах, в СНГ – в Армении, в Грузии, в Казахстане, в Киргизии, Украине. Мы всем разослали, и была встреча со старейшинами моего собрания, они пытались меня увещевать, и наконец нас исключили из организации – на основании этого письма. И дальше весь этот мир для нас был разрушен.

Отец Георгий: Многие, кто прошел похожий путь, кто вышел из подобной организации, необязательно свидетелей Иеговы, переживают «ломку». После того, как они вышли, психологически очень тяжело. Действительно, мир разрушен. Что помогло вам на этой стадии?

А. Григорян: Безусловно, я даже боюсь представить, что было бы, если бы моя жена, скажем, решила остаться в организации. Я знаю такие примеры. У меня немало знакомых, которые ушли из организации, а их жены там остались. Или наоборот – жена ушла, а муж остался. Я знаю, как это сильно осложнило их жизнь, в некоторых случаях привело к разводу, к разрушению семьи. В некоторых случаях это привело к тому, что люди остались без детей, потому что было принято решение стороной, находящейся в организации, намеренно не рожать. Конечно, мы с женой друга поддерживали, но также мне помогало осознание того, что я освободился. Я свободен и теперь могу сам уделить достаточное время тому, чтобы изучить и исследовать Священное Писание с разных сторон. Я понял, что теперь передо мной невероятно богатый выбор возможностей в плане изучения Священного Писания. И это осознание того, что я могу свободно, без каких-то изначальных рамок изучать Библию, меня очень сильно окрыляло. И несколько лет ушло на то, чтобы просто пересмотреть все свои прежние представления, начиная с самого начала от книги Бытия и до конца. Меня это очень сильно захватывало, и несколько лет я был в такой стадии внеконфессионального христианства.

Отец Георгий: Буквально вчера мне попался на глаза рассказ одного американца – бывшего свидетеля Иеговы. У него «свидетелями» стали еще бабушка с бабушкой, потом родители – то есть он был «свидете-

лем» уже в третьем поколении. И вот он говорит: первым, что начало выводить его из организации, было чтение английского перевода Библии версии короля Иакова. Наверное, не все знают, что у свидетелей Иеговы свой собственный перевод Библии, который в общем-то является в значительной степени искаженным под вероучение этой организации. И для американца это было откровением, что на самом деле текст другой. И этот канонический, классический перевод, близкий к нашему синодальному переводу, для него стал мостиком к тому, чтобы в итоге прийти в Православную Церковь. А как в вашем случае было? Как ваш многолетний поиск привел вас именно в Православие?

А. Григорян: Прежде всего это было связано с осознанием того, что на проверку Священное Писание оказалось не самоочевидным, не самодостаточным, как это утверждается в классическом протестантском тезисе «только Писание». Потому что чем больше я интересовался пониманием Писания, тем больше сталкивался с различными интерпретациями. И дело касалось не только вариантов истолкования, но и герменевтических подходов, экзегетических методов. Я понимал, что очень существенен вопрос самой текстологии. То есть какие чтения тех или иных кодексов более аутентичные, более древние?

Это увлечение библеистикой привело меня к осознанию того, что на самом-то деле именно определенная профессиональная традиция по большому счету и определяет, что считать Библией. Я узнал, что, оказывается, существуют книги, которые включаются издревле в текст Священного Писания – так называемые неканонические книги. В протестантском мире они отвергнуты как апокрифы. Узнал о том, что существуют разные текстологические основы Ветхого Завета – масоретский текст, Септуагинта. И это всё привело к осознанию того, что в действительности Священное Писание невозможно понять вне той традиции – живой традиции, – в которой этот текст был окончательно сформирован и родился. Это привело меня к поиску первоисточков. Я понял, что эта общепротестантская идея, будто бы, читая Библию, я на самом деле вижу в ней то, во что я верю, в действительности несостоятельна. Это все так утверждают: «Мы никакой смысл не вкладываем, мы просто извлекаем смысл, который лежит на поверхности». Я понял, что это иллюзия. Это не работает. На самом деле текст и понимание текста – это не тождественные вещи.

И когда я это осознал, то задумался: а на какие критерии можно опереться для того, чтобы понять, как в I веке, в апостольских общинах понимали эти тексты? Это привело меня к древнему христианству. Я помню, как пошел в магазин «Слово» и купил сборник творений мужей апостольских. Это удивительное произведение, которое в Церкви и по авторитету, и по древности идет сразу после Нового Завета. Я взял маркер и стал подчеркивать все места, которые меня впечатляли. Это невероятные жемчужины древнего наследия – «Дидахе», Климента Римского, Игнатия Антиохийского...

Отец Георгий: Это были люди, которые воочию видели апостолов Христа, лично учились от них.

А. Григорян: Вот это меня поразило больше всего, потому что, как вы знаете, у «свидетелей» есть

теория, согласно которой после смерти апостолов наступает тотальное отступничество – то есть уже во II веке истины нет. Мне всегда эта теория казалась очень странной, хотя бы потому, что она делает из апостолов плохих учителей – то есть получается, что они не смогли создать общины и так наставить их, чтобы они после их смерти остались верны тем идеям, которые, собственно говоря, апостолы проповедовали. В какой-то момент я просто понял, что это крайне богореческая теория.

Отец Георгий: Если из двенадцати апостолов ни один не смог создать такую общину, тогда вопрос уже к Господу, Который выбирал апостолов.

А. Григорян: Да, это тотальное поражение Христа. Это поражение Бога, если считать, что Божие дело рассыпалось после смерти апостолов. И получается так, что сила Евангелия коренилась в самих апостолах, а когда апостолы умерли, всё это дело развалилось. Мне эта теория казалась очень искусственной. Поэтому, когда я осознал, что читаю тексты людей, которые лично знали апостолов, которые были поставлены ими на служение, – меня это потрясло. И когда я прочитал все эти тексты – я увидел, что традиционное христианство – это, по большому счету, то христианство, которое было у апостольских мужей. Исповедание Божества Христа, молитва Христу, епископат, Евхаристия, то есть понимание Евхаристии именно то, которое есть в Православной Церкви, а также идея о загробном воздаянии. Все эти вещи свидетелями Иеговы отрицаются и считаются более поздними наслоениями – чуть ли не IV века. А здесь мы это видим на стыке I–II веков. И вот это было самым важным шагом к изучению Православия.

Отец Георгий: Могу предположить, что после пятнадцати лет, проведенных у свидетелей Иеговы, даже при том, что вы вышли, даже при том, что в какой-то степени распрощались с прошлым, у вас сохранились еще некоторые представления, привычки и ожидания, которые не совпадали с той реальностью, с которой вы встретились, придя в Православную Церковь. Наверняка приходилось в чем-то себя перестраивать, к чему-то привыкать, что-то было непривычно, что-то было странно, чего-то не хватало. Может быть, расскажете об этом? Как осуществился тот переход от интеллектуального убеждения в том, что Церковь Православная основана апостолами, к собственной практике православной жизни? В чем здесь были сложности?

А. Григорян: Это очень интересный вопрос. И весьма актуальный. Тут есть что рассказать. Представляете, для свидетелей Иеговы даже войти в православный храм невозможно. Он считается чуть ли не языческим капищем, так что даже переступить порог нельзя. И вот, когда я интеллектуально все-таки пришел к Православию, я ходил мимо храма рядом с нашим домом, и мне хотелось туда зайти, чтобы просто поговорить со священником, мне очень было нужно это и с эмоциональной, и с духовной точки зрения. И в один прекрасный день я набрался решимости, зашел в храм. Первым делом я увидел свечную лавку, за которой стояла женщина. Я задал вопрос: «А можно ли поговорить со священником?» Женщина в довольно-таки грубой форме ответила: «Что вам вообще нужно? Зачем священник? Что вам непонятно?»

Я говорю: «Мне нужно поговорить, у меня непростая история». Она: «Что за непростая история? Ты крещен хоть?» Я говорю: «Да». Я действительно был в детстве крещен. Она: «А крест-то носишь?» Я говорю: «Нет, не ношу». И вот это ее просто вывело из себя, и она сказала: «Если крест не будешь носить – Бог тебя не увидит». Но поскольку я уже немало знал о Православии, я стал ее спрашивать: «А вы, когда так утверждаете, на кого опираетесь, на какую святоотеческую традицию? Вы знаете, что апостолы крестиков не носили, и Бог их почему-то видел». И тут она: «Ах, ты спорить со мной хочешь?» В общем, чуть ли не скандал произошел. И я поспешил удалиться из храма. Таков был мой первый контакт. Но на самом деле так промыслительно сложилось. Настоящее мое вхождение в Церковь произошло через настоящую общину, в которой есть катехизация в полгода, есть внебогослужбное общение, есть библейские группы по изучению, и вот это сыграло очень большую роль, потому что я увидел полноценное Православие, где люди не просто приходят и ставят свечки, а живут настоящей евхаристической жизнью. Они знают друг друга, любят друг друга, они имеют совместные трапезы, они вместе изучают Священное Писание. И, конечно, меня это поразило. И поэтому я глубоко убежден в том, что подлинная православная миссия, связанная с помощью людям, находящимся в сектах, возможна только в том случае, если мы можем предложить им альтернативу. Лучшую альтернативу. И уже потом, помогая людям выходить из организации и помогая им воцерковляться, я много раз убеждался, что никакие интеллектуальные аргументы не действуют.

Часто люди, которые полемизируют с сектантами, удивляются: почему не действуют аргументы? Казалось бы, мы приводим убедительные аргументы: богословские, экзегетические, исторические, просто логические, – но это не работает. А не работает потому, что людей в свое время не аргументы убедили. Поэтому их и сейчас аргументы не убеждают. Их убедило что-то другое. И поэтому, на мой взгляд, очень важно показать людям просто христианскую жизнь. И уже потом обсуждать концептуальные идеи.

Отец Георгий: Очень важно знать, что и сейчас в Православной Церкви эта жизнь идет. Может быть, не в каждом храме есть все возможности для того, чтобы наладить такую общинную жизнь, какую вы упоминаете, но в плане богатства и духовной жизни, и аскетической практики, и возрастания в вере и любви Православие много чем может удивить и удивляет бывших свидетелей Иеговы и протестантов. Я благодарю вас за ваш рассказ, за то, что вы пришли и засвидетельствовали о своем пути. Дай Бог, чтобы те люди, которые были вам дороги, когда вы находились в организации свидетелей Иеговы, также нашли свой путь к истинной вере, к Православию. И да поможет вам Господь!

А. Григорян: Большое спасибо.

**С Артемом Григоряном
беседовал священник Георгий Максимов**

**Для нужд подворья принимаются пожертвования
в виде продуктов: КОНСЕРВЫ, крупы, овощи, фрукты.**

Расписание Богослужений

храма иконы Пресвятой Богородицы «Скоропослушница»
(г. Белогорск, ул. Политехническая 15, тел. 89145931695)

Пн 1	Память преподобного Макария Великого. Память преподобного Саввы Сторожевского. День интронизации Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. 9 ⁰⁰ -10 ⁰⁰ – Молебен преподобному Макарию. Панихида. 17 ⁰⁰ -18 ⁰⁰ Молебен преподобному Савве.	Чт 4	9 ⁰⁰ -10 ⁰⁰ – Молебен священномученику Киприану пред иконой с частицей мощей. Панихида. 17 ⁰⁰ -19 ³⁰ Вечернее Богослужение. Исповедь.
Вт 2	Память преподобного Евфимия Великого. 9 ⁰⁰ -10 ⁰⁰ – Молебен преподобному Евфимию. Панихида. 17 ⁰⁰ -18 ⁰⁰ – Молебен Феодосию Коломенскому исповеднику пред иконой с частицей мощей.	Пт 5	Память священномученика Климента Анкирского. 9 ⁰⁰ -11 ³⁰ Божественная Литургия. 17 ⁰⁰ -19 ³⁰ Вечернее Богослужение. Исповедь.
Ср 3	Память преподобного Максима Грека. 9 ⁰⁰ -10 ⁰⁰ – Молебен преподобному Максиму. Панихида. 17 ⁰⁰ -18 ⁰⁰ Молебен Пресвятой Богородице пред иконой Неупиваемая Чаша, о исцелении и вразумлении пьющих и наркоманящих.	Сб 6	Память блаженной Ксении Петербургской. 9 ⁰⁰ -11 ³⁰ Божественная Литургия. Панихида. 14 ⁰⁰ Крещение взрослых и детей от 7 лет. 17 ⁰⁰ -19 ³⁰ Вечернее Богослужение. Исповедь.
Вс 7	Память новомучеников и исповедников Церкви Русской. Поминовение всех убиенных и умученных от советской власти за веру Христову пострадавших. 9 ⁰⁰ -11 ³⁰ Божественная Литургия. Панихида о всех от безбожников убиенных и умученных. 14 ⁰⁰ Крещение детей до 7 лет. 17 ⁰⁰ -18 ⁰⁰ Водосвятный молебен пред чудотворной иконой Божией Матери «Скоропослушница».		

**Священники храма в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница»
совершают следующие требы:**

Причащение и соборование больных на дому,

Молебны: - благодарственный
- о выздоровлении
- о путешествующих
- на начало дела

Крещение,
Отпевание, Панихида,

Освящение: - домов
- квартир
- офисных и производственных помещений
- машин

Более подробную
информацию можно
получить в церковной
лавке по адресу:
г. Белогорск,
ул. Политехническая 15.

Или по телефонам:
8-914-593-16-95
8-914-610-08-91

Наш сайт в сети интернет: **skorop.cerkov.ru**

Просьба: не использовать для бытовых нужд.	Редактор: настоятель подворья Свято-Троицкого мужского епархиального монастыря, благочинный III Епархиального округа (Белогорский, Серышевский, Мазановский районы) игумен Платон (Норматов)	Прочитал сам – передай другому!
---	--	--